

Тиму и Элизе

ПРОЛОГ

Транквиль, штат Мэн, 1946 год

Если она не будет двигаться, затаится, он не найдет ее. Может, он и думает, что знает все потайные места, но ему так и не удалось обнаружить ее заветную нишу — небольшое углубление в стене погребца, надежно защищенное от посторонних глаз полками, на которых стоят банки с маминими соленьями. Ребенком она легко проскальзывала в это пространство и каждый раз, когда они играли в прятки, уютно устраивалась в своей норке и хихикала над ним, пока он носился по комнатам и злился, что не может ее найти. Иногда игра продолжалась так долго, что она проваливалась в сон и просыпалась только спустя несколько часов от звука маминого голоса, который встревоженно звал ее по имени.

И вот она снова здесь, в потайном месте погребца, хотя давно перестала быть ребенком. Ей четырнадцать, и она с трудом пролезла в эту нишу. И это уже не беспечная игра в прятки.

Она слышала, как он бродит по дому, ищет ее. Он обшаривал комнату за комнатой, ругался, бросал мебель на пол.

«Пожалуйста, ну пожалуйста! Кто-нибудь, помогите! Кто-нибудь, уведите его отсюда!»

Она слышала, как он прорычал ее имя: «Айрис!» Скрип, который производили его шаги, переместился на кухню.

Он подошел к двери погреб. Она крепко сжала кулаки, а ее сердце превратилось в гулкий барабан.

«Меня здесь нет. Я далеко, я сбежала и парю в ночном небе...»

Дверь в погреб резко распахнулась, ударилась о стену. Луч золотого света обратился вниз, и его силуэт обозначился в дверном проеме, на верхней ступеньке лестницы.

Он протянул руку и дернул шнур выключателя; загорелась голая электрическая лампочка. Ее тусклый свет озарил похожий на пещеру погреб. Съездившись за полками, которые были уставлены банками с консервированными огурцами и помидорами, Айрис слышала, как он спускается по крутой скрипучей лестнице, неминуемо приближаясь к ней. Она сильнее вжалась в стенку, распластываясь по каменной кладке, и закрыла глаза, мечтая стать невидимкой. Сквозь гулкие удары собственного сердца она услышала, как он спустился с лестницы.

«Только бы не увидел меня... Только бы не увидел!»

Кто-то прошел мимо полка с банками, направляясь к дальней стене погреб. Она слышала, как он пихнул ногой ящик. Пустые банки вдребезги разбились о каменный пол. Теперь он возвращался; она слышала его тяжелое дыхание вперемежку со звериным рыком. Она сама дышала короткими и быстрыми рывками, а кулаки сжались так сильно, что казалось, будто вот-вот хрустнут кости. Шаги приблизились к полкам и замерли.

Она тут же открыла глаза и сквозь щель между банками разглядела, что он стоит прямо перед ней. Она сползла вниз по стене, и ее глаза оказались на уровне его ремня. Она еще больше съежилась, пытаясь исчезнуть из поля его зрения. Он схватил с полки банку и разбил ее об пол. В нос ударил запах маринованных огурцов, резкий и уксусный. Он потянулся за следующей банкой, но почему-то поставил ее на место, как будто ему в голову пришла идея получше. Он развернулся и стал подниматься вверх

по ступеням; перед выходом снова рванул шнур выключателя.

Она опять оказалась в темноте.

И вдруг поняла, что плачет. Лицо было мокрым от пота и слез, но она не осмелилась всхлипнуть.

Наверху шаги протопали к парадной двери, а потом все стихло. Ушел? Неужели он наконец исчез?

Она так и сидела, замерев и боясь шелохнуться. Минуты проходили одна за другой. Она медленно отсчитывала их в уме. Десять. Двадцать. Ее мышцы начало сводить судорогой, спазмы были ужасно болезненными — ей пришлось закусить губу, чтобы не вскрикнуть.

Час.

Два часа.

Сверху не доносилось ни звука.

Она медленно выползла из своего укрытия. Стоя в темноте, она ждала, пока кровь снова поступит в ее мышцы и она снова почувствует ноги. Она прислушивалась, постоянно прислушивалась.

Но ничего не слышала.

В погребе не было окна, и она не знала, по-прежнему ли темно на улице. Она переступила через битое стекло и подошла к лестнице. Осторожно карабкаясь по ступенькам, она замирала на каждой и прислушивалась. Когда она наконец добралась до двери, ладони были такими мокрыми, что ей пришлось обтереть их о блузку, прежде чем открыть погреб.

В кухне горел свет, и, как ни странно, все вокруг выглядело нормально. Она уже почти поверила, что ужас прошедшей ночи был просто страшным сном. На стене громко тикали часы. Было пять утра, за окном еще не рассвело.

Она на цыпочках прокралась к двери и выглянула в коридор. Одного взгляда на перевернутую мебель и забрызганные кровью обои хватило, чтобы понять: это был не сон. Ее ладони снова стали влажными.

В коридоре было пусто, входная дверь распахнута настежь.

Нужно во что бы то ни стало выбраться из дома. Бежать к соседям, бежать в полицию.

Она двинулась по коридору, с каждым шагом приближаясь к спасению. Ужас настолько обострил все ее чувства, что она подмечала каждую щепку на цветастом ковре, слышала тиканье стрелки на кухонных часах. Она была уже почти у двери.

Успешно добравшись до перил, она увидела лестницу, с которой головой вниз упала ее мать. Она не могла отвести взгляд от тела. Длинные волосы мамы, словно черный водопад, каскадом ниспадали со ступенек.

Чувствуя, что к горлу подступает тошнота, она бросилась к двери. А там стоял он. С топором в руке.

Всклипнув, она ринулась назад, к лестнице, чуть не поскользнувшись на крови матери. Она слышала его тяжелые шаги за спиной. Но она всегда бегала быстрее, чем он, а сейчас от страха прямо-таки летела по лестнице, словно потерявшая голову кошка.

На площадке второго этажа она успела заметить тело отца, лежавшее на пороге его комнаты. Но не было времени думать об этом, некогда было предаваться ужасу; она уже проскочила следующий пролет лестницы и ворвалась в мансарду.

Захлопнув дверь, она успела задвинуть щеколду.

Взревев от ярости, он принялся барабанить в дверь.

Она стремглав помчалась к окну и, с силой рванув шпингалет, распахнула его. Посмотрев вниз, она поняла, что не выживет после падения с такой высоты. Но другого выхода не было.

Она сдернула штору с карниза. «Веревка. Мне нужна веревка!» Один конец шторы она закрепила на трубе батареи, сорвала вторую штору и связала оба полотна.

От глухого удара затрещала деревянная обшивка двери, и прямо в нее полетели щепки. Она оглянулась и с ужасом увидела торчавшее в двери лезвие топора. В следующее мгновение топор убрали, чтобы нанести новый удар.

Он сейчас проникнет сюда!

Она сорвала третью штору и трясущимися руками привязала ее к первым двум.

Топор снова обрушился на дверь. Дыра стала заметно шире, а по комнате разлетелось еще больше щепок.

Она сорвала четвертую штору, но, лихорадочно завязывая новый узел, знала, что длины все равно не хватит. Как знала и то, что уже слишком поздно.

Она развернулась лицом к двери как раз в тот момент, когда та рассыпалась под очередным ударом топора.

Наши дни

— Сегодня обязательно кого-нибудь ранят, — заметила доктор Клэр Эллиот, глядя в окно своей кухни.

Над озером повис густой утренний туман, напоминавший дым; очертания деревьев за окном то исчезали, то снова появлялись. Прогремел еще один ружейный выстрел, на этот раз ближе. С самого рассвета она слышала пальбу и, возможно, обречена слушать ее весь день, до наступления сумерек, потому что сегодня первый день ноября. Наступил сезон охоты. Видимо, там в лесу бродит какой-то человек с ружьем, полуслепой от тумана, и пытается попасть в воображаемую тень белохвостого оленя.

— Думаю, не стоит стоять на улице и ждать автобуса, — сказала Клэр. — Я сама отвезу тебя в школу.

Ной сидел ссутулившись за столом, накрытым к завтраку, и молчал. Он зачерпнул еще одну ложку хлопьев и принялся чавкать. Ее сыну уже четырнадцать, а он до сих пор ест как двухлетний малыш — стол забрызган молоком, а крошки от тоста усыпали пол вокруг его стула. Он ел, не глядя на нее, как будто посмотреть на нее значило встретиться взглядом с горгоной Медузой. «Ну, посмотрел бы он на меня — и что? — насмешливо подумала Клэр. — Мой дорогой сынок и так уже обратился в камень».

— Я отвезу тебя в школу, Ной, — повторила она.

— Да ладно. Я доберусь на автобусе. — Поднявшись из-за стола, он прихватил свой рюкзак и скейтборд.

— Эти охотники толком не видят, куда палят. Надень хотя бы оранжевую шапку. Тебя, по крайней мере, не перепутают с оленем.

— Но она же дурацкая.

— В автобусе снимешь. А сейчас надень. — Она взяла с полки в прихожей вязаную шапку и протянула сыну.

Он посмотрел на шапку, а потом наконец на Клэр. За год он вытянулся сразу на несколько сантиметров, и теперь они были одного роста и могли без труда смотреть в глаза друг другу, в этом смысле ни у сына, ни у матери преимуществ не было. Интересно, неужели Ной так же остро ощущает это физическое равенство, как она сама? Когда-то Клэр могла обнять его, и мальчик отвечал ей тем же. Но ребенок вырос, и пухлое тельце обросло мышцами, а лицо сузилось, и его черты приобрели резкость и угловатость.

— Будь добр, — попросила Клэр, протягивая сыну шапку.

В конце концов Ной тяжело вздохнул и натянул шапку на свои темные волосы. Она еле сдержала улыбку: шапка действительно выглядела по-дурацки.

Клэр окликнула сына, когда тот уже было двинулся к выходу:

— А поцеловать на прощание?

Он обернулся и с недовольным видом едва коснулся губами ее щеки, после чего скрылся за дверью.

«С объятиями покончено, — печально думала она, из окна наблюдая за тем, как мальчик бредет к дороге. — Теперь только рычим, пожимаем плечами или просто молчим».

Ной остановился под кленом возле подъездной аллеи, снял шапку и, засунув руки в карманы, ссутулился от холода. На нем не было куртки, только тонкая серая фуфайка — при трех-то градусах тепла. Мерзнуть — это круто.

Клэр с трудом поборола желание выбежать на улицу и укутать его в пальто.

Она дождалась прибытия школьного автобуса. И теперь наблюдала, как ее сын, даже не оглянувшись, забирается в автобус, как идет по проходу и занимает место рядом с какой-то девочкой. «Кто она? — промелькнуло в голове Клэр. — Теперь я даже не знаю, как зовут друзей моего сына. Я превратилась всего лишь в крохотный уголок его вселенной». Она знала, что так и будет, отчуждение неизбежно, как и стремление ребенка к независимости, но не была готова к этому. Перемена произошла внезапно, как будто милый мальчик вышел однажды из дома, а вместо него вернулся незнакомец. «Ты — все, что у меня осталось от Питера. Я не готова потерять и тебя».

Автобус с грохотом двинулся прочь.

Клэр вернулась на кухню и присела к столу допить свой едва теплый кофе. В доме было пусто и тихо, словно здесь по-прежнему царил траур. Она вздохнула и раскрыла свежий номер еженедельной газеты «Транквиль». «Стадо здоровых оленей предвещает удачную охоту», — гласила передовица. Отстрел начался. Тридцать дней на то, чтобы завалить оленя.

По лесу снова прокатилось эхо выстрела.

Клэр пролистала газету, остановившись на полицейской хронике. Здесь не было сообщений о беспорядках, сопровождавших празднования Хеллоуина накануне вечером, не говорилось о семерых шумных подростках, задержанных за то, что их ежегодное колядование по случаю праздника зашло слишком далеко. Зато среди замечаний о пропавших собаках и украденных дровах, в рубрике «Нарушители», значилось ее имя: «Клэр Эллиот, сорок лет, управляла автомобилем с просроченным талоном техосмотра». Она так и не успела отогнать свой «субару» на техосмотр; сегодня придется ездить на пикапе, чтобы избежать очередного упоминания в прессе. Она с раздраже-

нием перевернула страницу и принялась изучать прогноз погоды — холодно и ветрено, от трех до пяти градусов тепла днем и от двух до четырех мороза ночью. И в этот момент зазвонил телефон.

Она встала, чтобы снять трубку.

— Алло.

— Доктор Эллиот? Говорит Рейчел Соркин с шоссе Тодди-Пойнт. Здесь несчастный случай. Элвин только что выстрелил сам в себя.

— Что?

— Ну, знаете, этот идиот Элвин Клайд. Он вторгся в мои владения — охотился за бедным оленем. Зверя он убил — такого красавца и прямо на моей лужайке. Ох уж эти тупые охотники со своими дурацкими ружьями!

— Так что с Элвином?

— Ой, он споткнулся и прострелил себе ногу. Надеюсь, это послужит ему уроком.

— Ему немедленно нужно в больницу.

— Понимаете, в этом-то и проблема. Он не хочет в больницу и не разрешает мне вызвать «скорую». Просит, чтобы я отвезла его домой, вместе с оленем. Я, конечно, не собираюсь этого делать. Как мне быть?

— У него сильное кровотечение?

Клэр слышала, как Рейчел окрикнула нарушителя: «Эй, Элвин! Элвин! Кровь сильно идет?» Затем женщина вернулась к телефону:

— Он говорит, что все в порядке. Он просто хочет, чтобы его отвезли домой. Но я не повезу его, тем более с оленем.

Клэр вздохнула:

— Думаю, я могу подъехать и осмотреть его. Вы живете на шоссе Тодди-Пойнт?

— Да, примерно в километре от Валунов. На почтовом ящике стоит мое имя.

Когда Клэр на своем пикапе свернула на шоссе Тодди-Пойнт, дымка начала рассеиваться. За рядами белых сосен просматривалось озеро Саранча; над ним, словно пар, поднимался туман. Но солнечный свет уже пробивался сквозь пелену, раскрашивая золотом рябь воды. На противоположном, северном берегу озера сквозь пальцы тумана виднелись летние коттеджи, большинство которых были заключены на зиму — их состоятельные владельцы уже разъехались по домам, в Бостон и Нью-Йорк. Южный берег, вдоль которого ехала Клэр, был застроен домиками попроще — тесные хижины, многие из которых состояли всего лишь из двух комнат, терялись в зарослях деревьев.

Она миновала Валуны — спуск к озеру, сооруженный из нескольких гранитных глыб; здесь в летнюю пору собираются и купаются местные подростки — и вскоре заметила почтовый ящик с надписью «Соркин».

Ухабистая проселочная дорога привела ее к дому. Странное, причудливое строение с нелепыми пристройками и невероятным количеством выступов и углов в самых неожиданных местах. И над всей этой конструкцией возвышалась остекленная башня, которая напоминала пропоровший крышу кусок горного хрусталя. Эксцентричной женщине и дом полагался эксцентричный, а Рейчел Соркин в Транквиле считали чудной дамочкой — удивительная черноволосая женщина раз в неделю появлялась на городских улицах в неизменной багровой пелерине с капюшоном. Именно в таком доме и должна была обитать дама в пелерине.

Прямо у крыльца, возле аккуратных грядок с зеленью, лежал мертвый олень.

Клэр выбралась из пикапа. Тотчас же две собаки выпрыгнули из леса и, рыча и лая, преградили ей путь. «Охраняют добычу», — решила она.

Рейчел вышла из дома и прикрикнула на собак:

— Пошли вон, чертовы твари! Идите домой! — Она схватила с крыльца метлу и, выставив ее вперед, словно

копье, помчалась вниз по ступенькам с такой скоростью, что ее длинные черные волосы разметались в разные стороны.

Собаки попятнулись.

— Ха! Вояки! — произнесла Рейчел, делая выпад метлой.

Псы ретировались в сторону леса.

— Эй, оставь в покое моих собак! — закричал Элвин Клайд, приковылявший на крыльцо. Элвин мог бы служить иллюстрацией эволюционного тупика: пятидесятилетний кусок жира, обернутый во фланель и обреченный на пожизненное холостячество. — Они никого не трогают. Просто присматривают за оленем.

— Элвин, у меня для тебя новость. Ты убил это несчастное создание на моей территории. Так что оно принадлежит мне.

— На черта тебе олень? Вегетарианка проклятая!

— Как нога, Элвин? — вмешалась Клэр.

Он перевел взгляд на доктора и прищурился, будто не ожидал ее появления.

— Я просто споткнулся, — ответил он. — Невелика беда.

— Пулевое ранение — это всегда опасно. Могу я взглянуть?

— Мне нечем заплатить... — Он замолчал; его лохматая бровь лукаво взлетела вверх, — видимо, в голову пришла неплохая мысль. — Может, оленинки хотите?

— Мне просто нужно убедиться, что кровотечение не опасно для жизни. А расплатитесь в другой раз. Могу я посмотреть вашу ногу?

— Если вам так хочется, — сказал он и поковылял обратно в дом.

— Да уж, это большая радость! — заметила Рейчел.

На кухне было тепло. Рейчел подкинула в печь березовое полено; стоило ей захлопнуть чугунную створку, из топки пахло сладковатым дымком.

— Давайте посмотрим ногу, — предложила Клэр.

Элвин поковылял к стулу, оставляя на полу кровавые следы. На обтянутой носком ступне возле большого пальца виднелась дыра с неровными краями, словно шерстяную ткань прогрызла крыса.

— Мне совсем не больно, — заявил он. — Если хотите знать мое мнение, из-за этого не стоит такой сыр-бор устраивать.

Клэр опустила на колени и осторожно сняла носок. Шерсть отходила с трудом, и в этом была повинна не столько кровь, сколько пот и омертвевшая кожа.

— О боже! — ужаснулась Рейчел, зажимая нос рукой. — Ты когда-нибудь меняешь носки, Элвин?

Пуля пробила участок между первым и вторым пальцем. Клэр обнаружила выходное пулевое отверстие на подошве стопы. Кровь из него уже почти не сочилась. Стараясь не дышать, чтобы не вырвало, Клэр проверила, как двигаются пальцы, и постановила, что нервы не задеты.

— Вам нужно будет каждый день промывать рану и менять повязку, — сказала она. — И придется сделать укол от столбняка, Элвин.

— О, мне уже делали.

— Когда?

— В прошлом году, старик Помрой делал. После того, как я сам в себя выстрелил.

— Это что, каждый год случается?

— В тот раз я прострелил другую ногу. Да ничего страшного.

Доктор Помрой скончался в январе, и, когда восемь месяцев назад Клэр выкупила практику у его наследников, к ней перешла картотека покойного. Нужно бы поднять медицинскую карту Элвина и уточнить дату последнего укола от столбняка.

— Я так понимаю, что промывать рану придется мне, — предположила Рейчел.

Клэр достала из своего чемоданчика флакончик бетадина и протянула его Рейчел.

— Разведите это в ведре с теплой водой. Пусть подержит ногу в этом растворе.

— Да я и сам могу это сделать, — заверил Элвин, вставая.

— Тогда нам проще сразу сделать ампутацию! — огрызнулась Рейчел. — Немедленно сядь, Элвин.

— Ничего себе! — пробурчал тот и снова сел.

Клэр оставила у Рейчел несколько упаковок с бинтами и марлевыми повязками.

— Элвин, явитесь ко мне на прием на следующей неделе, я осмотрю рану.

— Но у меня столько дел...

— Если вы не явитесь, мне придется отлавливать вас, как собаку.

Он удивленно заморгал.

— Хорошо, мэм, — жалобно согласился он.

Сдерживая улыбку, Клэр подхватила свой чемоданчик и вышла из дома.

Во дворе снова были собаки, теперь они дрались за грязную кость. Когда Клэр спустилась с крыльца, оба пса повернулись и уставились на нее.

Черный, рыча, бросился ей навстречу.

— Фу! — крикнула Клэр, но собака не собиралась уходить с дороги. Сделав еще несколько шагов навстречу, пес оскалился.

Рыжая псина, уловив момент, схватила кость и потащила свой трофей в лес. Она почти уже перебежала двор, но черная собака вдруг заметила пропажу и снова бросилась драться. Визжа и рыча, животные рыже-черным клубком покатались по двору. Забытая кость валялась возле пикапа Клэр.

Она открыла дверцу и уже собралась было сесть за руль, но вдруг в ее сознании всплыла запечатлевшаяся картинка. Клэр посмотрела на землю, туда, где лежала кость.

Покрытая рыжеватой коркой грязи, она была чуть менее тридцати сантиметров в длину. С одного конца кость

была обломана и покрыта зазубринами. Другой остался цел, и по нему определялись анатомические ориентиры.

Это было бедро. И к тому же человеческое.

Шеф полиции Транквиля Линкольн Келли смог догнать свою жену только за шестнадцать километров от города.

Она ехала на ворованном «шевроле» со скоростью восемьдесят километров в час, виляя из стороны в сторону, а выхлопная труба, которая держалась на честном слове, искрилась, попадая в выбоины.

— Обалдеть можно! — сокрушался Флойд Спир, сидевший рядом с Линкольном в патрульной машине. — Дорин сегодня в стельку.

— Я все утро мотался, — сказал Линкольн. — Не успел проследить за ней.

Он включил сирену, надеясь, что Дорин одумается и затормозит. Но она только прибавила газу.

— И что теперь? — осведомился Флойд. — Может, вызвать подкрепление?

Он имел в виду Хэнка Дорра — единственного, кто, кроме них, патрулировал город в то утро.

— Нет, — ответил Линкольн. — Давай попробуем уговорить ее остановиться.

— При скорости сто?

— Врубай мегафон.

Флойд схватил микрофон, и из динамика загремел его голос:

— Эй, Дорин, остановись! Ну же, милая, ведь покалечишь кого-нибудь!

Но «шевроле» по-прежнему мчался вперед, подпрыгивая и петляя.

— Можно подождать, пока у нее кончится бензин, — предложил Флойд.

— Продолжай говорить с ней.

Флойд снова преник к микрофону:

— Дорин, здесь Линкольн! Пожалуйста, дорогая, остановись! Он хочет извиниться!

— Я хочу — что?

— Остановись, Дорин, и он сам тебе все скажет!

— Что ты несешь, черт возьми? — возмутился Линкольн.

— Женщины всегда ждут от мужчин извинений.

— Но я ничего не сделал!

У «шевроле» вдруг зажглись стоп-сигналы.

— Видишь? — обрадовался Флойд, когда «шевроле» затормозил у обочины дороги.

Линкольн припарковался сзади и вышел из патрульной машины.

Дорин сидела сторбившись за рулем, ее рыжие волосы были спутаны и всклокочены, руки тряслись. Линкольн открыл дверцу, протянул руку над коленями жены и вытащил ключ из замка зажигания.

— Дорин, — устало произнес он, — тебе придется проехать с нами в участок.

— Когда ты вернешься домой, Линкольн? — спросила она.

— Поговорим об этом после. Пойдем сядем в машину, дорогая. — Он взял ее за локоть, но она высвободилась и для верности ударила его по руке.

— Я просто хочу знать, когда ты вернешься домой, — повторила она.

— Мы уже все обсудили, и не раз.

— Но мы все еще женаты. Ты мой муж.

— И нет смысла возвращаться к этому разговору. — Он снова взял ее за локоть.

Только он извлек ее из «шевроле», как Дорин, улучив момент, заехала ему прямо в челюсть. Линкольн слегка пошатнулся, в голове у него зазвенело.

— Эй! — Флойд ловко скрутил ей руки. — Послушай, это уж чересчур!

— Пусти меня! — завопила Дорин. Она вырвалась из рук Флойда и снова бросилась на мужа.

На этот раз Линкольну удалось увернуться от удара, что еще больше взбесило его жену. Она снова замахнулась на мужа, но Линкольну и Флойду наконец удалось скрутить ее.

— Мне очень не хотелось бы так поступать, — сказал Линкольн, — но сегодня ты ведешь себя очень неразумно. — Он защелкнул наручники на ее запястьях.

Дорин плюнула ему в лицо. Линкольн утерся рукавом, после чего терпеливо препроводил жену на заднее сиденье патрульной машины.

— О черт! — воскликнул Флойд. — Нам же придется заводить на нее дело.

— Знаю. — Линкольн вздохнул и сел за руль.

— Ты не можешь развестись со мной, Линкольн Келли! — крикнула Дорин. — Ты обещал, что будешь любить и оберегать меня!

— Я не знал о твоей тяге к бутылке, — возразил Линкольн, разворачивая машину.

Они неспешно возвращались в город, и всю дорогу Дорин ругалась на чем свет стоит. Всему виной было пьянство; именно оно вынуло пробку из бутылки со злыми духами.

Два года назад Линкольн ушел из дома. Этот брак забрал у него не только десять лет жизни, но и очень много усилий. Он был не из тех, кто пасует перед трудностями, но отчаяние в конце концов сломило его. В свои сорок пять лет он вдруг осознал, что жизнь проходит мимо, унылая и бестолковая. Ему бы очень хотелось остаться с Дорин, вновь проникнуться к ней теми нежными чувствами, которые она вызывала у него в начале их брака, когда была красивая и трезвая, а не пьяная и злобная, как сейчас. Иногда он пытался отыскать в своем сердце хотя бы какой-то след той любви, хотя бы искорку в груди пепла, но ничего не осталось. Пепел остыл. Да и сам он устал.

Линкольн пытался поддержать ее, но Дорин не понимала, что ей необходима помощь. Раз в несколько месяцев, когда ее ярость достигала апогея, Дорин уходила в запой. Заканчивалось это тем, что она «брала напрокат» чей-то автомобиль и устраивала свои знаменитые гонки. Горожане уже знали, что нужно держаться подальше от дороги, когда Дорин Келли садится за руль.

Вернувшись в полицейский участок, Линкольн позволил Флойду самому оформить бумаги и отвести нарушительницу в камеру. Даже сквозь две запертые двери были слышны истошные вопли Дорин, которая требовала адвоката. Он подумал, что наверняка смог бы вызвать кого-нибудь для нее, хотя из местных никто за это дело не возьмется. И даже за пределами Транквиля, например в Бангоре, уже никто не примет ее с распростертыми объятиями. Он уселся за свой стол и принялся листать картотеку в поисках адвоката. Желательно того, к кому он давно не обращался. И кого бы не смутили оскорбления из уст подзащитной.

Пожалуй, чересчур много всего навалилось, да еще в такую рань. Он отставил картотеку и провел рукой по волосам. Дорин все еще кричала из камеры. Эта история непременно выплеснется на страницы вездесущей местной газеты, а потом ее подхватит пресса Бангора и Портленда, потому что для всего штата Мэн это лишний повод посудачить и посмеяться. «Шеф транквильской полиции арестовал собственную жену. В очередной раз».

Линкольн потянулся к телефону и только собрался набрать номер адвоката Тома Уайли, как в дверь его кабинета постучали. Подняв взгляд, он увидел стоявшую на пороге Клэр Эллиот и положил трубку.

— Здравствуйте, Клэр, — приветствовал он ее. — Еще не прошли техосмотр?

— Работаю над этим. Но я пришла не по поводу машины. Хочу кое-что показать вам. — Она выложила на стол грязную кость.